

ГАЛИНА РОМАНОВА

ТАЙНУ ХРАНИТ ЗВЕЗДА

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Тайну хранит звезда

«ЭКСМО»

2012

Романова Г. В.

Тайну хранит звезда / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2012 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-60428-9

Жизнь учительницы Анны Корнеевой летит под откос. После развода она никак не может прийти в себя. Бывший муж Саша не только внушил ей психологические комплексы и убил веру в то, что она красивая и желанная женщина, но и собирается через суд отобрать у нее единственного сына Игоря. А может, экс-супруг и прав, она не создана для счастливой жизни, и ей придется всю жизнь провести у школьной доски... Весь мир как будто ополчился против Анны. Неприятности достаются и тем, кто рядом. В ее выпускном классе одного ученика арестовали по обвинению в убийстве любовника своей матери, другая двоюродница выпала из окна, написав записку: в ее смерти виновата именно она – учительница Анна Ивановна Корнеева... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-60428-9

© Романова Г. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	25
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Галина Романова

Тайну хранит звезда

Глава 1

Ему совершенно нечего и некого было бояться. Его никто не мог увидеть. Подъезд высотки был пуст. Кто-то уже ушел. Кто-то еще не ушел. Вероятности встретить кого-то на своем пути практически не было. А даже если и встретил бы, абсолютно никаких проблем. Он идет в гости к друзьям. Почти девять утра в Москве, вполне нормальное время для завтрака. Поэтому в одной руке он держал коробку с овсяным печеньем, в другой – средних размеров пакет с выглядывающим из него длинным батоном и круглой буханкой черного хлеба. Что было под хлебом, знал лишь он один. И что было в коробке с овсяным печеньем, тоже знал он один.

Он остановился у запертой двери и отдышался. Надо-надо снова выходить на пробежку. За зиму ожирел, заматерел, вот как следствие появилась одышка. В его деле этого быть не должно. Это промах. Он вытер потный лоб тыльной стороной ладони, бросил осторожный взгляд вниз, потом вверх, прислушался. Тихо, как в могиле. Хотя изречение достаточно глупое и его легко можно оспорить. Кто там был, чтобы вернуться и рассказать? Так, предположения одни. Может, жмуриков демоны с чертями так донимают, что корчатся они и орут на своем им одним понятном языке.

Он позвонил в дверь, прислушался. Вскоре за дверью послышалась возня, дверной глазок потемнел – его рассматривали, потом щелкнул замок. Дверь приоткрылась, и недовольный женский голос спросил:

– Раньше нельзя было?

– Никак нет. – Он угодливо улыбнулся: а чего не покривляться напоследок?

– Еще бы в шесть утра приперся! – фыркнула молодая женщина, решив, что он не понял ее упрека. – Мы с Гавром только-только отпыхтелись. Еще в себя не пришли...

Только тут он рассмотрел, нет, скорее угадал, что на ней кроме легкого шелкового халата и пары украшений ничего нет. Груды вольготно мотались под шелком, таращась на него вздувшимися сосками. Зад также вольно гулял, не стиснутый резинками трусиков.

– Все бы вам трахаться, – укорил он ее с неискренней нежностью. – Нет бы о деле подумать, а они...

– Гавр! – крикнула женщина в сторону запертой спальни. – Выползай давай! Тут к нам твой клиент пришел!

Гавр, для нормальных людей, то есть по паспорту – Гаврила, выскочил из спальни в широких длинных, до колен, шортах, с крупным крестом на шее, болтающимся на толстой золотой цепи.

– О! – протянул он руку для приветствия. – Ты чего такую рань-то? Мы же только на двенадцать договаривались.

– Обстоятельства. – Он старательно отводил глаза от женщины, пышущая разгоряченная плоть которой не могла не волновать.

– А это чего? Для конспирации, что ли? – Гаврила ткнул пальцем в пакет с хлебом и коробку с овсяным печеньем.

– Какая конспирация, господи? – Он тихо рассмеялся. – Шел из булочной, мне позволили, навязали «обстоятельства». Вот я и... И перенес время нашей встречи. В конце-то концов, что меняется: девять часов, двенадцать, так ведь? Это ведь уже у вас, так?

По тому, как мгновенно и маетно переглянулись Гаврила и его девка, которую он везде представлял как свою жену, совсем позабыв про законную, оставленную с детьми где-то в

Рязани, он сразу понял – у них проблемы. Не у него – нет. У него проблем быть не может. Проблемы у них!

Решили выжать из него побольше? Лишняя тысяча – не помеха для таких уродов, встающих из постели в перстнях с сапфирами и в цепях на полкило золота. Или просрали то, что обещали? Но это же невозможно! Он видел это в их руках. Видел! Или думал, что видел?

Но обозначил уже там, где обещали его не просто завалить деньгами, но и помочь уехать. Уехать к чертовой матери из этой страны, где восемь месяцев холодная, голодная зима.

– Ребятки, давайте сразу к делу, а потом вот чайку попьем. – Он мотнул коробкой с овсяным печеньем. – Итак? Вы готовы?

– Мы-то... Мы-то всегда готовы, как пионеры. Век свободы не видать! – Гаврила оскандился как дурак, царапнув себя большим пальцем левой руки по кадыку. – Только клиент наш гребаный чего-то замутил.

– Не понял, – спокойно произнес он, хотя понял все и сразу.

У них нет того, за что он выплатил аванс. Пускай не очень большую сумму, но все же они для него не лишние. И он еще раз повторил:

– Не понял.

– Чего тут не понять-то?! – взвизгнула наглая голая девица, едва прикрытая тонким шелком. Она выступила чуть вперед, подбоченясь, уставив в него свои наглые соски и зверски сверкающие глазницы. – Нет у нас того, что ты хочешь! Нету!!! Еще раз повторить?!

– Я заплатил аванс.

Он наклонился и поставил к стене пакет с батоном и черным хлебом, прислонил его понадежнее, коробку с печеньем оставил в руках, принявшись в ней возиться, будто в самом деле чай пить собрался. Распрямылся, холодно глянул в сверкающие наглостью глаза девки и еще раз повторил, шагнув вперед:

– Я заплатил аванс.

Она даже не поняла, что случилось. И, наверное, совсем не почувствовала боли. Лицо ее не исказилось нисколько, когда он острым как бритва ножом, любовно названным «малыш», полоснул ей по горлу. Быстрым, коротким, заученным и отточенным до мастерства движением он вскрыл ей сонную артерию. Она не успела ни удивиться, ни ахнуть, ни предупредить своего дружка, который что-то бубнил за ее спиной про потраченные деньги.

Гавриле досталось, когда девка начала заваливаться вперед и чуть на левый бок. Ему он тоже раскроил горло. Но Гаврила оказался сильнее своей девки. Он успел схватиться руками за горло, успел что-то прошипеть и еще глянуть на него в диком изумлении. Потом и он упал. И легли они как на картине – крест-накрест. Два голубка, возжелавшие его одурачить. Он ведь все равно найдет, за чем пришел. Даже если ему придется перерыть здесь все вверх дном.

С тяжелым вздохом он полез в карман штанов за тонкими резиновыми перчатками.

Перерыл он все, не осталось ни одного потайного места, но ничего не нашел, кроме своих же денег, все так же перетянутых желтой резиночкой. Он их забрал – это его! А больше ни к чему не прикоснулся. Ему не нужно! Неужели он позарится на золотую цепь или цацку с сапфиром?! Да чушь! Он не алчен до такой степени! Он любит зарабатывать, но крупно. На мелочах, таких, как эта дурацкая цепь или перстень с сапфиром, легко можно проколоться или вляпаться. Ему не надо. Да и брезгует он этими свиньями! Брезгует снимать с них что-то. Он их просто ненавидит. Ненавидит настолько, что позволил своему «малышу» исколоть их вдоль и поперек. «Малыш» не подвел, порадовал, как всегда, виртуозно. От этих свиней почти ничего не осталось.

Он остановился, лишь когда услышал какой-то шум в подъезде. Сюда, конечно же, никто не придет, в этом он был уверен. Но все равно надо было сворачиваться. Время поджимало. Он подхватил пакет, который стоял возле стены. Вытащил слегка подрагивающими окровавленными руками хлеб за самый краешек, положил на чистое, не забрызганное кровью место на

столе. С остальным прошел в ванную комнату. Там неспешно разделся догола, дотошно свернул всю одежду изнанкой наружу, замотал целлофаном из-под хлеба. Потом долго и тщательно купался, несколько раз намыливаясь и скобля ногти щеткой. Вытерся полотенцем, которое принес с собой. С самого дна вытряхнул на чистое место на полу комплект чистой одежды. Грязную убрал в пакет. Потом оделся, причесал влажные волосы. Вернулся в комнату за хлебом и коробкой с печеньем. Все осторожно положил в пакет, пятнами крови вниз. Потом долго стоял у входной двери, когда от тишины в подъезде начало давить уши, он осторожно вышел из квартиры. Дверь прикрыл. Потом снял перчатки, сунул их на самое дно пакета и, чуть насвистывая, пошел вниз по лестнице. Вышел на улицу, посетовал на позднюю весну и пошел к мусорным бакам, возле которых только что остановилась мусороуборочная машина.

Все! От одежды и окровавленного хлеба с печеньем он избавился – надежнее не придумать. На его глазах контейнер опрокинулся в зловонное нутро мусорной машины. Улики уничтожены. Но...

Но цели-то он так и не добился, черт! Куда могли эти ублюдки подевать то, за что он выплатил аванс?! Куда? Он же видел это своими глазами. Правда, не оригинал и не в полном объеме, но видел же! И что же получается?!

Получается, что либо эти свиньи не выкупили у первоисточника интересующую его вещь, либо он не нашел это в их доме. Последняя мысль так резво подстегнула его, что он тут же решил вернуться.

Он кое-что просмотрел. Кое-что пропустил... кажется...

Глава 2

Шестиэтажное здание школы вынырнуло из плотного тумана громоздким серым крейсером, с узкими окнами, напоминающими бойницы, замызганными теперь ночным дождем. Тяжелые входные двери с латунными ручками, которые каждую минуту дергали чьи-то руки. Толстые пружины отвратительно визжали, натягивались, выпускали очередную порцию извергов и снова сжимались, возвращая двери к притолоке. Ни один современный доводчик не выдерживал бы натиска юной агрессивной энергии, ни один. И завхоз, плюнув, прибил к дверям старомодные, но такие надежные пружины. Они теперь визжали с утра до ночи.

Услыхав этот истошный визг, она вздохнула и опустила голову. Господи, как же не хотелось туда идти! Каждое утро, каждый новый день был для нее испытанием. Каждый день она сдавала экзамен на выносливость и терпение. Пыталась улыбаться, говорить тихо и внятно, пыталась быть терпимой к их тупости, лени, злобе, неприязни. Каждый день. Но с каждым днем все труднее.

Она приостановилась, поправила на голове платок, одернула плащ, поудобнее схватилась за ручки сумки. И еще раз осмотрела себя – насколько позволял угол зрения – с головы до пят. Все как будто в порядке. Так и должно быть. Иначе быть не должно, иначе засмеют. Заметят сморщенные на коленке колготки, выбившуюся из-под юбки блузку, расползшийся по шву джемпер или мучнистый налет перхоти на спине – и все! Засмеют! Сначала тихонько прыскавая в кулак за спиной. Потом мерзкий сдавленный смешок становится все громче и громче. Перерастает в откровенный хохот и переползает из коридора в классную комнату. И тогда конец! И тогда ничем уже себя не спасти. Ни ором, ни двойками и колами, ни выгоном из класса.

– Здрасте, Анна Иванна!

Она вздрогнула от неожиданности и осторожно обернулась. В этом медленном повороте головы тоже было много от ее стратегического плана выживания в этих опасных детских джунглях. Она не имела права нервозно дергаться и делать испуганные замечания, что нельзя так неслышно подкрадываться и орать из-за спины. Что это неприлично, отвратительно и... пугает в конце концов. Она должна была реагировать совершенно спокойно и АДЕКВАТНО!!!

Ох, как любила это слово их нынешняя директриса – Кольская Анастасия Станиславовна.

– Вы должны адекватно реагировать на любую дерзкую выходку, милые мои! – нежно поглядывала она на них на педсоветах поверх верхней дужки очень стильненьких и очень дорожных очков. – Не должны забывать, что перед вами детки! Они могут быть жестокими, злыми и невыносимыми. Но это всего лишь детки! Наши с вами детки. И мы их сделали такими! Мы! Наше невыносимое время, наша занятость! И в наших силах изменить их. Так держайте же...

Кольскую, к слову, она побаивалась ничуть не меньше этих извергов, которые каждый день наводняли классные комнаты и школьные коридоры. Но ей досталось чуть больше: ее она презирала. Считала ее педагогической проституткой, вечно заигрывающей с персоналом школы и идущей на поводу у малолетних оболтусов.

А чего ей, собственно, не быть такой? Муж где-то там на самом верху. «Денег возами за месяц не перевозить», как считает их литераторша. Дом в три этажа за городом. Дети учатся за границей. Все в шоколаде! Чего ей не быть доброй, лояльной, понимающей, снисходительной?! На что злиться?! Она и на работу-то вышла скорее от скуки, чем по необходимости. Дома стены надоели, вот и поскакала в школу. Она же тут не работает, нет, она тут развлекается... Коза длинноногая!..

– Здравствуй, Петровский, – едва заметно двинула она подбородком и слабо улыбнулась молодому человеку, рано созревшему, рано обнаглевшему и рано познавшему все о взрослой безнравственной жизни. – Ты что здесь делаешь?

Она повела свободной от сумки рукой вокруг себя.

Вокруг нее был пустырь, через который она проходила каждое утро. Отвратительное запущенное место с узкой тропинкой. Слева от тропы глухой забор, намертво отгораживающий проезжую часть от школьной и прилегающей к ней территории. Справа кладбище строительного мусора, прочно засиженного крапивой и чертополохом. Все это бетонное, щебеночное и арматурное нагромождение осталось еще со времен строительства школы. Год от года покрывалось все слоем пыли, грязи, летом пышно зеленело непроходимыми зарослями. Зимой щетинилось в небо высохшими стеблями.

Отвратительное место, подумала она. И практически необитаемое. Если кому вздумается свести с ней счеты, лучшего места просто не найти. И чего она тут ходит каждое утро? Ведь можно идти и по ту сторону забора, по тротуару, а она тут каблучки сбивает. Короче путь? Ну разве метров на сто – сто пятьдесят. Удобнее идти на прямую от подъезда и не огибать людную по утрам остановку на площади? Да, возможно. Не хочется толкаться локтями с утра со своими же школьниками, летящими наперегонки по тротуару? Наверное, это и есть главная причина.

– Вас жду, Анна Иванна.

Красивый порочный рот Петровского улыбнулся, показались невозможно ровные белые зубы. И она снова подумала: не могут быть у человека такие ровные, такие белые, такие безупречные зубы. И губы его... Словно покрашенные, потом слегка припудренные и снова покрашенные. И щеки со следами утреннего бритья. Очень гладкие, очень блестящие. Волосы... Темные, прямые, аккуратно уложенные и почему-то не тронутые ветром. А ветер-то имеется! Ее косынку трепал так, что она ее трижды, пока шла, поправляла.

Все какое-то ненатуральное. Она разозлилась непонятно с чего. Все как-то слишком у этого Петровского!

«Не надо придирайтесь к детям, милые мои. Они такие, какими их создал господь и родители!» – кольнуло в висок изречением, сделанным Кольской неделю назад в учительской.

Над Петровским кто-то постарался вовсю, со вздохом сделала она вывод через минуту.

– Что ты хотел? – Она медленно пошла, стараясь не замечать, что парню приходится семенить рядом с ней по сырой траве и кромка его идеально выглаженных брюк пачкается.

– Анна Иванна, не спрашивайте меня сегодня, пожалуйста, – вдруг попросил Петровский и посмел вцепиться в ее локоть и чуть придержать. – Пожалуйста!

– Почему это? – Она шевельнулась именно так, как надо, чтобы он ее выпустил: не нервно, не испуганно, как-то небрежно и слегка. – Не выучил? Загулял?

– Нет, не гулял, проблемы в семье. С мамой скандалили всю ночь, не подготовился я.

Молодой человек остановился. Дальше идти ему было нельзя. Дальше бы их увидели вместе и... Сначала робкий смешок в коридоре, потом...

Схема известна.

– Врешь? – покосилась она на него подозрительно, вздохнула, не заметив мерзкой лживой искры в темных глазах, и все равно подытожила: – Врешь, Петровский.

– Спросите, да?

Он стоял теперь у нее за спиной, и ей было от этого жутко неудобно. Представляла, как он рассматривает ее сзади, как ерзает глазищами по ее плащу, сапогам, косынке. С ненавистью смотрит? С интересом? Или с вождением?

Последнее исключалось, сделала она для себя неутешительный вывод через мгновение. Ее нельзя было желать, ею нельзя было восторгаться, в ее честь нельзя было слагать стихов. И уж если и подстергать в темном переулке, то лишь для того, чтобы ограбить или вот, как этот Петровский, послабление себе выпросить.

Почему? Потому что она была заурядной, вот! Так ее охарактеризовал перед своим уходом бывший муженек – Саша.

– Ты заурядная, Анька! Ты настолько обыкновенная, что... что мне зубы сводит! – надрылся он возле двери в ванную, где она заперлась и плакала. – Я не хочу тебя!!! Не хочу уже давно!!! Видеть тебя не могу!!! Ты не женщина, ты учительница! Ты смотришь, говоришь, даже трахаешься, как учительница!

– А это как? – высунулась она в тот момент из ванной с красным, распухшим от слез лицом.

– За-уряд-но!!! – с удовольствием и по слогам прокричал он ей прямо в ухо. – По методическому плану...

Почему он не ушел просто так? Почему уничтожил ее, уходя? Чтобы она после него ни с кем уже и никогда не смогла?! Так ему безразлично было. Он ее никогда не ревновал в их совместной жизни. Теперь-то уж чего?

Так что не мог Петровский смотреть на нее даже с любопытством. Он мог на нее смотреть с неприязнью, к примеру. Или с ненавистью. Они – изверги эти – почти всех учителей ненавидят или боятся. Или, боясь, ненавидят. Они же не могут любить тех, кто с них спрашивает. День за днем, день за днем. Требует, оценивает, наказывает.

Противно!

Она вдруг остановилась и резко глянула себе за спину. Странно, но Петровского она врасплох не застала. Он с тоской смотрел куда-то в сторону и беззвучно шевелил губами. Выглядел он не очень. Подавленным он показался, каким-то раздавленным. Может, в самом деле, родители что-то не то делили? Имущество, детей, чувства?

– Вадим, – позвала она его негромко.

Он дернулся, подобрался, посмотрел на нее затравленно.

– Я не спрошу тебя сегодня, – произнесла она и, перебивая поток его благодарностей, уточнила: – Я спрошу тебя в конце следующей недели по всем темам. Готовься. Будет для тебя зачет. Для тебя одного!

– Спасибо, Анна Ивановна. – Глаза Петровского сделались похожими на две огромные влажные после ночной росы черешни. – Никогда не забуду!

– Ох, господи! – закатила она глаза со вздохом. – Иди уже, занимайся...

Поверила она ему или нет? А разве это важно? Он мог соврать, мог и не соврать. Разбираться она уж точно не станет. Для нее главное было выполнить свое обещание. Своим словом она дорожила, она его стерегла от посягательств извне. И поэтому, когда в учительской на второй перемене математичка Софья Андреевна увлекла ее к окошку и зашептала доверительно, что Петровскому верить нельзя, а она видела, как он Анну Ивановну стерег, значит, просить о чем-то собрался. Она тут же решила, что теперь-то уж точно ни за что его не спросит. Назло хотя бы Софье. Углядела, фря глазастая! Углядела, как Петровский ее подстерегал на пустыре. Так за сыном бы своим смотрела, который вторую неделю прогуливает. Софья хоть и лопочет что-то в его оправдание, мол, мальчик болен, кто ей верит-то?! Отвратительный мерзавец вышел у математички-мамы и инженера-папы. Интеллигентная семья, с чего так?

Это не она, это Кольская так восклицала – дура малахольная. Ее удивляло, – пожалуй, ее одну и удивляло, – с чего это мальчик вырос таким проблемным в среде вполне нормальных родителей. А что родители едва концы с концами сводят, живут до сих пор со стариками, один из которых прудит в кровать, и на отдых дальше пригорода никуда не ездят, ее ни черта не удивляло. И что пацан в чьих-то обносках порой приходит, Кольскую не возмущало тоже.

Может, она притворяется, а? Может, вся ее лояльность, жизнерадостность, беспечность – это все игра? Играет Белоснежку, а внутри ведьма. Хорошо вот ей играть никого не надо. Она такая, какая есть – скучная и заурядная. И другой, и захотела бы, стать никогда не сможет. Бывший муж Саша так и сказал, как приговорил:

– Анька, это диагноз! И с ним тебе жить!..

День прошел как всегда – тускло, безрадостно, муторно. С опросом, с зачетами, с двойками, пятерками, выгоном из класса. Все одно и то же, одно и то же. Каждый сегодняшний день похож на предыдущий и точно будет похож на завтрашний. И заболеть нельзя, и прогулять, и отпуск взять, когда захочется. Они ведь тоже, как и все эти ненавидящие их изверги, обречены. Разница лишь в том, что у тех срок заключения – минимум девять, максимум одиннадцать лет. А у них – пожизненно.

– Мам, привет.

Анна вздрогнула, стерла с лица угрюмость и повернулась на звонкий голосок.

Сын Игорь уже оделся и нетерпеливо гарцевал у входа. Она чуть его не проглядела. Хорошо, позицию выбрала удачную, мимо нее он не проскочил бы. А так снова упустила бы, как вчера, позавчера, позапозавчера.

– Привет, дорогой. – Она потянулась к его макушке, но он увернулся. – Как дела? Как отметки?

– Мам, ну ты же все знаешь, чего спрашиваешь? – сморщился Игорек.

Конечно, он догадывался, что его сегодня похвалил физик на всю учительскую. Пожурила англичанка за ошибки в контрольной. И объявила благодарность матери класска за то, что Игорек помог ей во внеклассной работе. Они же не могли молчать до родительского собрания, когда родитель – вот он, под боком. Они все разболтали. И он не мог расходовать свое время на то, чтобы все это матери пересказывать. Он спешил!

Она безошибочно угадала все это в его глазах, так похожих на глаза отца. Светло-серые, порой со стальным блеском, порой ускользящие в сторону или негодуяще посверкивающие. Сейчас ее мальчик негодовал.

– Ты сегодня ночуешь дома, – схватила она сына за рукав куртки.

– Мама, не начинай! – заныл Игорек и потянул из ее руки рукав. При этом он так пыхтел и упирался, что еще немного, и она не удержалась бы на ногах и налетела бы на него. – Мы же договорились, что эту неделю я у папы!

– Та неделя, когда ты у папы, уже прошла, – напомнила Анна сыну, и в душе тут же заныло.

Она теряет! Она и его теряет тоже!!! Она раз уступила, позволив ему пожить у Саши, и все!

– Пошла вторая неделя, ты ночуешь дома. Иначе...

– Иначе что?! – Ему удалось наконец вырваться, он отскочил на безопасное расстояние, с которого она его не достанет. – Иначе что?!

– Иначе ты больше к нему не пойдешь никогда! Я могу это устроить, ты же знаешь.

Она говорила с собственным сыном тихо, властно и надменно. Именно так ей удавалось умирять самых отъявленных мерзавцев, затаскивающих мерзкий коридорный шепот в класс. Ее некоторые побаивались вполне конкретно.

С сыном ничего не вышло. Он глянул на нее с кривой ухмылкой, вечно уродующей лицо его отца, и выдохнул с неприязнью:

– Ничего ты не сможешь, поняла! И я буду жить там, где захочу! Мне уже двенадцать лет!

– Я помню, что тебе двенадцать лет, – кивнула она коротко и вдела руки в карманы юбки, чтобы, не дай бог, не вцепиться в сына и не начать его трясти от бессилия и злобы. – И что?

– А то! Что, если суд спросит, с кем я хочу жить, я отвечу...

– Су-у-уд? – Она обомлела.

Как все далеко зашло, господи! Ах, Сашка, Сашка! Как ты мог, подонок?! Как мог позволить себе покуситься на последнее, что у нее осталось от их совместного счастья?! Игорек, деточка, маленький смешной кутенок, до шести лет проспавший в маминой кровати. Что он с тобой сделал?! Чем испортил?! Чем купил?! Что внушил?!

– Какой суд, сынок? – выдавила она с трудом, немного справившись с потрясением. – Он что, собрался со мной судиться?! Вы... Вы что, вступили в сговор?! Сыночка... – Горло перехватило, и она всхлипнула. – Ты... Ты тоже предал меня?!

– Мам, не начинай, – промямлил Игорек уже безо всякого выражения, виновато шмыгнув носом и попятился к двери, на ходу надевая шапку и застегивая куртку. – Я еще сегодня дома у папы переночую, а завтра... Завтра точно к тебе, мам.

У папы, значит, дома. А у нее?! Кто она ему? Кто она им всем: бывшему мужу, сыну, извергам, ежедневно наводняющим школу?! Чудовище безликое и заурядное?! Нечто бесформенное? Без души, без сердца, без чувств и желаний? Что... Что они все с ней сделали?!

Анна не помнила, как вышла из школы, как передвигала ноги по раскисшей тропе на пустыре, как вошла в подъезд и поднялась к себе на этаж. Как вошла в квартиру, не помнила тоже. Швырнула сумку с тетрадями на пол, села на маленькую пухлобокую банкетку с обтрепавшимися углами сиденья и замерла с неестественно выпрямленной спиной.

Она никому, вообще никому не нужна. Сначала ее бросил муж. И он не просто ушел к другой женщине – насколько ей известно, он до сих пор один, – он просто ушел от НЕЕ. Теперь ее бросает сын. Он ею тяготится. Ее скучная однообразная жизнь с кучей обязательств и обязанностей не для двенадцатилетнего подростка. Он тоже устал от ее скупых улыбок, от отсутствия чувства юмора, от сгорбившейся над тетрадями спины и незамысловатой еды. Он устал, и он ушел. И его сегодняшнее обещание о завтрашней ночевке у нее – это всего лишь отсрочка. Отсрочка приговора, который Игорек вынесет ей вслед за своим папашей.

Дай только время. Дай только время...

Анна стащила с себя сапоги, аккуратно повесила плащ на вешалку, подошла с опаской к зеркалу. Всмотрелась. Что в ней не так?! Чем она хуже, к слову, Кольской? Такого же среднего роста, что и она. Грудь больше, чем у нее, талия тоньше, волосы гуще и длиннее. Ноги красивее, это сто процентов. У Кольской коленки острые, мосластые, в противных мелких пупырышках. И на ступнях возле больших пальцев по огромной шишке. А у нее ступня узкая, пальцы аккуратные, никаких намеков на шишки.

– Это оттого, что ты обувь на каблуках высоких презираешь, Аннушка, – хихикнула как-то под градусом ей Софья, математичка, когда они отмечали что-то. – А Настасья-то спит, наверное, в шпильках.

Она бы вот тоже, может, шпильки не снимала, да привычку имела вести урок на ногах. Почти никогда себе не позволяла присаживаться.

Идем дальше...

С фигурой все ясно. Поплывшей в талии Кольской было далеко до ее форм. А что касается лица, то нахлобучь Анна на себя столько макияжа, еще не такой красавицей бы вышла, коей каждое утро являет себя школе Кольская Анастасия Станиславовна.

И вдруг захотелось нарядиться. Блажно, глупо, а захотелось. Надеть-то было что. Сашка раньше немного баловал ее, вывозил в шикарные магазины к праздникам и семейным торжествам, на которые приглашались нужные ему люди. Она послушно готовила по рецептам из Интернета, потом наряжалась, потом так же послушно улыбалась всем, кто присутствовал. Потом, с уходом последнего гостя, наряд снимался, убирался в шкаф и забывался. В школу-то она в этом точно не пойдет. Где разрез глубокий, где вырез, где полспины наружу. Это легкомысленно и неправильно. В школе не должно быть никаких провокаций. За этим следят зорко, особенно сейчас.

Она распахнула шкаф в спальне, порылась в вещах, достала длинное черное платье с разрезом в боку почти до талии и обнаженной левой рукой и плечом. Нашла под него туфли. Надела и снова вернулась к зеркалу. Увиденное по пятибалльной шкале тянуло на четыре с минусом или три с плюсом.

Лицо бледное, грустное. Губы бесцветные, вывернутые скорбной скобочкой. Волосы тусклые, стянутые на затылке в пучок, который Сашка презрительно называл гнездышком. Черта с два из нее получится Золушка, собирающаяся на бал. Платье и туфли ни при чем. Принц, вот кто нужен для торжества момента. А принца-то и нет. Какой был, сбежал. Нового не предвидится. Брюзгливая старшая сестра Золушки она скорее. Та самая, которой не пришелся в пору хрустальный башмачок.

Анна вытащила шпильки из волос, разлохматила. Лучше не стало. Глаза-то не зажглись. И она просто стала походить на лохматую сестру Золушки.

– Хватит валять дурака, – погрозила она себе пальцем в зеркало. – Иди переоденься и приготовь что-нибудь...

Звонок в дверь застал ее в трех шагах от дверей спальни. И был он столь настойчив и продолжителен, что она переполошилась. Так звонит в дверь беда. Соседи и домашние никогда. Она десять лет живет в этом доме, никто и никогда так не звонил.

– Что?! – выпалила она, резко распахивая дверь.

Мужчина на пороге попятился. Потом пробежался по ней взглядом, с чего-то поскущел и едва внятно проямлил:

– Здравсте.

– Здравствуйте. – Анна тут же свела колени, чтобы не расходился разрез на боку. – Вы кто? Что вам надо? Почему так звоните в дверь, черт бы вас побрал!!!

– О как! – хмыкнул он, не ответив ни на один из ее вопросов. – А сказали, что учительница. А ругаетесь, как кухарка!

– Вы много видели кухарок?

Надо было захлопнуть дверь перед носом этого замызганного нынешней непогодой умника. Стоит, кривляется, воспитывать пытается. А стоптанные ботинки в грязи. Кромка брюк – стрелки корова языком убрала недели две назад – тоже в грязи. Куртка хоть и кожаная, будто и не из дешевых, но громоздкая какая-то, неуклюжая. Щетина на мрачной физиономии такая, что кастрюли о нее чистить можно запросто. Глаза мутные, может, запойные даже, ей разбираться незачем. Волосы благо что очень коротко подстрижены, иначе можно представить, что за воронье гнездо было бы.

– Кухарок? – Он явно начал катать в голове воспоминания, не вспомнил, качнув головой. – Пожалуй, не знал ни одной. Но вы учительница?

– Да, но репетиторством не занимаюсь. Извините. Всего доброго.

Она отступила назад и попыталась захлопнуть дверь. Но шустрый стоптанный ботинок тут же наступил на ее территорию, преградив путь двери грязным мыском.

– Что?! – Она переводила взгляд с ботинка на хозяина, готовя себя к долгой нудной обороне, в этом-то учителям равных не было, чего уж. – Вы! Себе позволяете?! А???

– Идемте, – выдохнул мужик и скрипнул кожаным карманом, доставая оттуда удостоверение. – Вот... Из полиции мы... Володин я.

Игорек!!! Ей сделалось так страшно, что она, тут же позабыв об удерживаемых ею позициях, мелко, судорожно попятилась. Что-то с сыном!!! Он куда-то торопился и...

– Он?.. Что с ним?! Он жив??? Игорек??? Он... – залепетала она, чувствуя, как синеют от ужаса ее губы, щеки, шея.

– Успокойтесь, учительница. – Из густой черной щетины вдруг проступили обветренные губы, которые попытались улыбнуться. – Я не знаю никакого Игорька. Речь идет о ваших соседях сверху. Нам с вами надо пройти наверх.

Испуг отступил так же стремительно, как минуту назад взялся ее душить. Хвала ее педагогическому опыту, вечно держащему на контроле все эмоции.

– С какой стати мне идти к соседям наверх? – насупилась Анна, не желая так быстро извинять полицейского за вторжение в ее дом и душу. – Меня в гости никто не приглашал.

– Да уже и не пригласят. – Володин вздохнул, убрал свой грязный башмак на лестничную клетку. – Вы нам нужны в роли понятой. Никого больше нет, все на работе. Вы пришли раньше, вот мы к вам и зашли.

– Понятых, насколько я знаю, должно быть двое?

– Да. Второй – мужчина с восьмого этажа. Возможно, вы знакомы.

– Нет, – тут же отрезала она. – Не знакомы. Я почти никого тут не знаю.

– Что так? – удивился он. – Некогда?

– Незачем, – буркнула она и надавила на него дверью. – Ступайте, я сейчас переоденусь и приду. Какие конкретно соседи набедокурили?

– Вы увидите. Там дверь открыта. – Он повернулся к лестнице, но вдруг снова глянул на нее, и снова сквозь щетину проступила его обветренная улыбка. – А мне вы не переодетой очень даже нравитесь, Анна Ивановна.

Откуда он ее знает, интересно? Она не представлялась.

А-а-а, наверное, соседи, попавшие в историю, подсказали. Это она никого не знает и порой не замечает, проходя мимо. В гости не зовет, сама к ним не ходит с пирогами и домашним печеньем. Не потому, что не печет, а потому, что времени нет на общение. Ее-то могли знать. И могли подсказать.

Не могли!

Те соседи, на осведомленность которых она надеялась и которые, по ее подозрениям, набедокурили, были мертвы. Муж и жена – молоденькие, красивые ребятки, как охал второй понятой, седовласый дядька с восьмого этажа, которого она вообще не помнила.

Молодые были изрезаны так, что рассмотреть цвет ковра на полу из-за их крови было невозможно. В квартире все было перевернуто вверх дном.

– Что-то искали! – шепнул авторитетно все тот же седой мужик в тапках на босу ногу и растянутых до невозможных размеров трениках. – Деньги, наверное, драгоценности.

Аня рассеянно поводила взглядом по сторонам, старательно избегая смотреть на кровавое месиво в центре большой комнаты. Что могло быть у этих молодых? Что такого ценного, ради чего с ними сотворили подобное?! Они и пожить-то не успели, и нажили немного. Обстановка скудная, шторы на окнах дешевые, кресла допотопные с деревянными боковинками, такие у ее мамы, помнится, на даче стояли, пока она их из-за ветхости не выбросила.

– Не думаю, – отозвалась она через продолжительную паузу и глянула в окно.

Снова собирался дождь. Противный, ледяной, с пронзительным ветром. А она окно в кухне распахнула, когда уходила. Теперь стопка тетрадей, оставленных на обеденном столе, промокнет непременно. Дождь косой, как раз в ее окна. И...

– Обратите внимание на положение трупов, – забубнил какой-то мужик, соратник щетиного. – Они лежат крест-накрест.

– Наверное, сектанты! – снова зашипел второй понятой, все время находясь у нее за спиной и все чем-то шурша и шурша без конца.

– С чего вы взяли? – отозвалась сердито Аня. – Как стояли, так и упали. Возможно, не ожидали нападения. Просто стояли и разговаривали, возможно, когда им были нанесены смертельные ранения. Ужас-то какой...

Володин, сидевший возле жертв на корточках, глянул на нее внимательно, коротко улыбнулся и кивнул, проговорив:

– Вы, скорее всего, правы, Анна Ивановна. Следов борьбы нет.

– Ничего себе, – хмыкнул едва слышно седой у Ани за спиной. – Кровищей все стены улиты, а у него следов борьбы нет! Так вот они и работают! Думаешь, найдут?! Черта с два... Следов борьбы у него нет, умник!

Аня оглянулась и неприязненно уставилась на соседа с восьмого этажа. Тот оживленно жевал! Шуршал карамельками, как оказалось. Их у него было много. Карман спортивной олим-

пийки оттопыривался. Он и Ане предложил, она отказалась. Жевать в таких условиях!!! Чудовищно. Пусть изверги ее закалили за годы неблагодарного труда, но чтобы так...

Они топтались в коридоре еще минут двадцать. Внимательно слушали, что им говорили сотрудники полиции. Седой даже кивал. Аня, если честно, не вникала. Дождь за окнами разошелся не на шутку, а у нее тетради. А этим несчастным ее присутствие уже никак не могло помочь. И тяготило ее общество незнакомых суетящихся людей, сильно тяготило.

Она без конца куталась в высокий воротник толстой вязаной кофты, вдыхала тонкий запах своих духов, застрявший в мохнатой шерсти. Переминалась с ноги на ногу и медленно продвигалась к распахнутой двери погибших. Удрать хотелось нестерпимо.

Домой!

Ей впервые за многие недели остро хотелось домой. Не пугала пустота без мужа и Игорька. Не пугала тишина, которая все последнее время ее угнетала и выворачивала душу наизнанку. Хотелось запереться на все три замка, переобуться из уличных кроссовок в теплые мохнатые тапки, сварить кофе, слепить аккуратненький бутербродик с листом салата, сыром и тоненьким ломтиком семги. Потом засесть за тетрадки, необременительно как-то это сегодня было. Потом, когда совсем стемнеет, зажечь любимый ночник, свернуться клубочком в углу дивана и под тихий лепет телевизора позвонить Ирка. Сто лет не общались, уже и соскучиться успела.

Ирка была ее любимой и единственной подругой. Их отношения были очень древними, уходящими своими корнями в ясельное детство, кажется. Аня сколько себя помнила, столько помнила Ирку – суматошную полнотелую блондинку с очень активной личной жизнью и желанием всегда быть в курсе всего. Сашкин уход из дома Ани она просмотрела и дико дулась на подругу.

– Вечно все скрываешь! – шипела она на нее при встречах. – У вас были проблемы, а ты скрывает!!!

– Не было проблем, – вяло отзывалась Аня, лежа на диване, как покойница. – Все было превосходно, и тут – бац!

– Бац просто так быть не может. Тут не бац, а бабс!

– В том-то и дело, что нет никого.

– Ага! – кривила красивый яркий рот Ирка. – Нет у него никого, как же, поверю! Если нет бабы, значит, есть мужик.

Аня принималась яростно отстаивать гетеросексуальные особенности своего бывшего, они собачились с Иркой, потом шли в кухню, принимали по мензурке коньячку, чтобы сосуд расширить, как любила говорить подруга. И Сашкину подлость оставляли на потом. Как-нибудь «потом» отодвигалось и отодвигалось. Ирка снова с кем-то мучила, Аня отстаивала право быть хорошей и единственной матерью своему сыну. И посему, по ее подсчетам, которые она совершала, стоя у распахнутой двери погибших соседей, виделись они в последний раз с подругой месяца три уж как назад. И почти тогда же созванивались. Непорядок! Надо восполнить пробел. Надо позвонить, пригласить к себе. Теперь вот и любопытство ее есть чем побаловать. Под мензурку можно будет поохать, пожалеть погибших. Следом и себя, живых, но прозябающих.

– Вы, Анна Ивановна, не спешите удрать, – заставил ее вздрогнуть Володин, осторожно тронув за локоток и поймав буквально на пороге. – Вам еще бумаги подписать нужно.

– Уже скоро?! – Она подняла на него расстроенные глаза. – Мутит, если честно.

– Меня, если честно, тоже, – шепнул он ей доверительно и опустил глаза вниз. – Там у вас, в квартире, чисто, уютно, наверняка пироги есть.

– Нету, – растерялась она, не понимая, напрашивается он к ней в гости или просто мечтает сменить обстановку все равно на что. – Не пеку. Некогда.

– Я так и думал, – кивнул Володин.

Тут же громко позвал кого-то по имени и через минуту потащил ее и седого с восьмого этажа за кухонный стол расписываться в бумагах. Но тут возникло неожиданное препятствие: авторучка перестала писать. Володин и дул на нее, пытаясь растопить застывший гель дыханием. И раскручивал, проверяя стержень на наличие геля. Все будто было, а ручка не писала. Ане даже показалось, что он нарочно все это продельывает, чтобы задержать ее в этой квартире подольше. Уж из вредности или как, неизвестно, но злой умысел был ею заподозрен. Проклятый педагогический опыт, заставляющий все и вся брать под сомнение. Выучили малолетние изверги, на всю жизнь выучили!

– Вот вам авторучка, господин полицейский, – протянула она ему авторучку, нашарив ее в кармане кофты. – Эта пишет сто процентов.

Володин кисло улыбнулся. Пошутил что-то про учительский специнвентарь в каждом кармане. Взял с них подписи и отпустил наконец. О том, что он явится к ней уже через час, предупредить он позабыл. А явился!

– Что-то еще?! – вытаращилась Аня на Володина, маетно зависшего в ее дверном проеме. – Где-то еще расписаться? Или авторучкой снабдить?

– Нет, нет. Все закончено, тела увезены, квартира опечатана, так что... – Он развел руками, потом опустил их, бока кожаной куртки виновато хрустнули.

– Так что? – Аня вставила кулаки в бока.

Если этот заросший мужик намеревается напроситься к ней на чай, обмахиваясь удостоверением, то он сильно просчитался. Ей некогда! У нее осталось три контрольные, которые ей надо было проверить. Контрольные принадлежали очень проблемным деткам (цитата Кольской), и поэтому она оставила их на потом. Решила сначала немного перекусить и даже приступила к приготовлениям, а потом уж и проверкой заниматься. И Ирке еще надо позвонить непременно. Чего ему надо?! Чего он снова пришел?

Настроение Анны Володин прочувствовал молниеносно. И ошетинился уже весь, надувшись, распыхтевшись.

– Надо задать вам парочку вопросов, – жестким, хрустящим голосом произнес он через минуту и покосился с укоризной.

– На предмет? – Она решила пока не отступать.

– На предмет того, что произошло у вас сегодня в подъезде.

– Не могу представить, чем могу быть вам полезна.

Она выдержала тон и осанку великолепно, невзирая на то, что одета была в вельветовые Сашкины портки, износившиеся чуть не до дыр, и его же клетчатую байковую рубашу.

– И все же вопросы есть, – проскрипел Володин и нагло попер в ее квартиру.

Вошел, огляделся, тут же снял куртку и грязные ботинки и пошел без приглашения в ее кухню, на ходу пояснив, что подозревает, там что-то горит. Картошка, слава богу и Володину, не сгорела, покрывшись хрустящей корочкой. И рубленый бифштекс, который она разогревала сверху, остался цел. Сейчас бы самое время покушать. И по времени, и по желудочным спазмам было пора. Но не есть же при этом наглom полицейском. А бифштекс был один. И картошки полторы ложки.

– Одна живете? – Он выключил газ, успев заглянуть под крышку сковородки.

– С чего это вы взяли? – Аня села к столу, пододвинула к себе непроверенные контрольные.

– Приготовлено на одну порцию, – бесхитростно пояснил Володин и тут же без переходов спросил: – Вы не знали погибших?

– Нет, – ответила она поспешно, пожалуй, слишком поспешно. – Нет, не знала. Я тут вообще никого не знаю.

– Недавно переехали?

– Да нет, давно живу.

– А что так? – Темные усталые глаза смотрели на нее с недоумением. – Не желаете общения?

– Мне общения за глаза в школе хватает. – Аня вздохнула, кивнула на стопку тетрадей. – И общения, и занять себя есть чем. Так что с соседями контактировать некогда.

– И что, даже не здороваетесь ни с кем? – не поверил Володин.

И вдруг полез в ее посудный шкаф, достал две тарелки, аккуратно разделил картошку, разломил бифштекс прямо в сковородке, все разложил на две тарелки, поставил их на стол и уселся без приглашения.

– Есть хочу – сил просто нет, – пояснил он просто, хватаясь за вилку, и мотнул головой в сторону второго стула. – Да вы присаживайтесь, покушайте.

– Спасибо! – фыркнула Аня.

Сил возмущаться и орать на наглого копа не было. Все силы высосали изверги. Потом еще это страшное убийство буквально над головой. Честно? Она немного даже рада была, что он напросился. Поначалу-то хотелось укрыться у себя в доме. А как укрылась, страх поспел. Пускай немного посидит, поговорит. Пускай даже разделит с ней ее нехитрый ужин. А оставшиеся плохие контрольные она потом проверит. Радость-то невелика, продираться сквозь грудку ошибок.

Она села, взяла вилку, ухватила из плетеной корзинки кусочек хлеба, начала есть. На Володина она почти не смотрела. Зато он ее рассматривал без стеснения, справившись с половинкой бифштекса и ложкой картошки за пару минут.

– А вы очень красивая, Анна Ивановна, – подвел он черту под своими наблюдениями через какое-то время.

Хорошо, она жевать к тому времени закончила, а то подавилась бы непременно.

– Это кто говорит? – решила она на вопрос, довольно глупый, но не молчать же.

– Это я вижу, – кивнул он заросшим до безобразия подбородком. – Очень красивая.

– Не все так считают, – отозвалась она задумчиво, а потом со вздохом призналась: – Вернее, никто так не считает.

– Глупости! – не поверил он и тут же полез включать чайник. Хорошо, догадался, обернулся на нее и спросил разрешения: – Позвольте?

– Валяйте, – скупно улыбнулась Аня.

День сегодня был вообще непонятный какой-то. Неправильный. Сначала Петровский к ней пристал с просьбой, а потом на каждой перемене благодарственно мерцал глазами в ее сторону. Потом Игорек учудил, дурачок маленький. Судиться с родной матерью собрался за право жить с отцом! Это надо же! Потом убийство этажом выше. Володин этот...

Вернее, Володин был сначала.

– Кстати, а откуда вы узнали, что я учительница?

Аня с интересом наблюдала, как уверенно распоряжается Володин ее сахарницей, чайником, упаковкой с шоколадными пряниками. Ну свой просто, в доску свой. Везде, интересно, или только у нее?

– Так второй понятой сообщил. Мы когда квартиры обзванивали, он нам и сообщил, что учительница живет там-то и там-то. И она должна быть дома. Он будто из окон видел, как вы из школы возвращались.

– А-а-а, понятно.

Аня попыталась вспомнить седого пожилого дядьку. Но сколько ни морщила лоб и ни теребила память, не вспомнила. Ни разу не видела она его. Или не замечала. Такое с ней могло случиться запросто.

– Чай, сударыня.

Володин поставил перед ней щербатую Сашкину чашку, которую она пыталась трижды выбросить, да так и не смогла. Сашка ее с отдыха как-то привез. И с чего-то постоянно над

ней печалился. Сядет, бывало, за стол, на неподвижную чайную гладь смотрит и вздыхает, и вздыхает.

«Это у него какие-то паскудные воспоминания с этой баклажкой связаны, – хищно шипела на чашку Ирка, выслушав подругу. – Не иначе кобелировал, гад, на отдыхе».

С тех пор прошло пять лет. Чашка часто падала, выкрашивалась по краям, но странно оставалась целой. Забрать с собой ее бывший муж не пожелал. Проглядел, наверное. А она пыталась выбросить, но не смогла. И ее теперь ей Володин всучил. Намеренно или как?

– Я думал, это ваша любимая чашка, – вдруг брякнул он, угадав ее замешательство. – Но, видимо, ошибся. С ней связаны неприятные воспоминания? Я угадал?

– Вы постоянно все угадываете? – надула она губы. – Так бы преступления раскрывали. Кстати, что думаете об этом убийстве?

Она подняла голову к потолку. Поежилась, снова вспомнив вид окровавленных, растерзанных тел.

– Пока ничего не думаю, – поскутнул сразу Володин и опустил голову. – Пока сижу у вас, коротаю время, может, народец с работы соберется, пойду с опросом.

– Ах, вот как! Время, стало быть, коротаете! Сожрали мой ужин, теперь жрете мои пряники, и это называется: коротать время?! Да... Да пошли вы! – Она запнулась под его усталым взглядом, который, допусти его, и тетрадки, не раскрывая, проверять сможет. И добавила почти шепотом: – Пошли вон.

– Не пойду я никуда, Анна Ивановна. Мне в самом деле время убить надо. Но я ведь мог и в кафе напротив вашего дома посидеть. А я не пошел.

– Экономный какой! – Она оттолкнула от себя ненавистную чашку, расплескала чай.

– Не в экономии дело. Просто... Просто с вами мне приятнее коротать это самое время. Я вас обидел?

– Наконец-то догадались! – фыркнула Аня и начала протирать стол кухонным полотенцем. – Ведете себя как...

– Болван неотесанный? – подсказал Володин с грустной улыбкой. – Что есть, то есть, спорить не могу. Совсем огрубел со всем этим, – и его голова тоже поднялась к потолку. – Как быть нежным-то, когда так вот все? Вы ведь тоже в школе наверняка чертенеете к концу дня?

Она промолчала, но про себя кивнула. Еще как чертенеет! Сама себе противна иногда. Но Володину об этом знать совершенно необязательно.

– А что касается двойного убийства, совершенного, предположительно, сегодня в промежутке с восьми утра до полудня, то одно могу сказать точно – совершено злодеяние не с целью грабежа.

– Как? – удивилась Аня, решив пока не дуться на него за прямолинейную неотесанность. – Но там же все было вверх дном! Там же явно что-то искали!

– Искали, может быть. Но не деньги, не украшения, не другие ценности. Кошелек в прихожей в сумочке одной из жертв цел. Там денег прилично, карточки банковские с кодами, нацарапанными на липкой бумажке. Кольцо с сапфиром на пальце убитой не сняли. Вторая жертва – мужчина – тоже не была ограблена, на шее золотая цепь с крестом. И борсетка в прихожей с ключами и документами на машину. Грабеж исключается, – подвел предварительную черту Володин. И сам себя спросил: – Тогда что? Зачем перевернули весь дом?

– Что-то искали. Это ясно.

– Не совсем, – не согласился он.

Вдруг протянул руку к ее руке и нежно погладил по ладони. И объяснение придумал смешное: будто капли от расплескавшегося чая на руке остались. А она уверена, что не было там никаких капель. Уловка это или художественный вымысел.

– А что тогда? – Аня смущенно сжала пальцы в кулачок. – Если не искали, то зачем такой погром?

– Вот вы умная женщина...

– Спасибо!

– Умная женщина, наблюдательная, в силу своей профессиональной деятельности, – словно не слыша ее, продолжил Володин. – Вам придется, как полководцу, наблюдать за людьми каждый час. И так день за днем, день за днем. Что бы вы сказали об общей картине?

– Погрома?

– Да.

– Ну... Если не ограбили, если не искали, то тогда ловко имитировали.

– Точно! – обрадовался Володин. – У меня вот сложилось именно такое ощущение. Что переиграл убийца с беспорядком. Как-то все так глупо навалено. Покрывала с кровати и дивана стащил, подушки вспорол, а ящики из шкафа и серванта не вытащил. Странно...

– В самом деле, – согласилась Аня и поежилась. – Знаете, если честно, то, пока я там была, меня все время не покидало странное ощущение.

– Какое? – Он вытянул шею из воротника.

– Не могу сказать, но что-то меня там коробило.

– Что, Анна Ивановна?! Что??? Вы не представляете, насколько это может показаться важным. Любая мелочь! Любой штрих!

– Не могу вспомнить. – Она задумчиво теребила прядь волос, выбившуюся из ее учительского пучка. – Вот... Вот вы говорите, кольцо с сапфиром, цепь золотая, а обстановка квартиры бедная. Чрезвычайно бедная.

И она не без гордости осмотрела собственную кухню. Не супермодно и шикарно, но классически уютно и не бедно.

– Молодец! – похвалил Володин, глянув в ее сторону озорно и одобрительно. – А вообще что вы о них знаете?

– Ничего, – сникла тут же она. – Говорю же вам, ни с кем не знакома. Не вижусь, не общаюсь.

– А соседи по лестнице? – снова удивился Володин.

– Одни соседи постоянно в разъездах. Бывают крайне редко. Может, раз в полгода и являются. Вторых вообще не видела ни разу, – соврала она.

Соседи номер два, вернее, соседка подвергалась с ее стороны конкретному игнору только лишь за то, что однажды позволила себе повиснуть спяну на Сашке. После этого Анна ее просто-напросто не замечала.

– И что, вы вообще этих верхних никогда не видели?

– Говорю же вам, нет. И понятого этого в трениках тоже не видела. И погибших. А он вон меня, оказывается, знает. Наблюдательный...

Она наморщила лоб, пытаясь вспомнить, что же ее так покорило в квартире убитых, когда она там находилась, но ничего, кроме шуршания фантиков в кармане спортивной куртки седого мужика, так и не вспомнилось.

– Что-то там было не то, – подвела она черту под мучительными размышлениями. – Что-то не вяжется.

– Господи, как бы вы мне помогли, если бы вспомнили.

Володин так разволновался, что вцепился в ее кулачки и нервно сжал, делая ей немного больно. Спихватился, когда она поморщилась. Отпрянул, извинился и тут же полез из-за стола, начав снова извиняться и прощаться.

– Засиделся я, в самом деле. Пойду я. А вы, Анна Ивановна, если что-то вспомните, позвоните мне.

И он, не особо церемонясь, взял с полки под зеркалом в прихожей ее мобильник, вбил туда свой номер и назвал себя Володиным.

– Позвоните? – спросил он еще раз, прежде чем дверь закрыть.

– Если что-то вспомню, непременно, – пообещала Аня, уверяя саму себя, что сумеет забыть о нем уже завтра к вечеру.

Но странно, стоило за ним закрыться двери, как она принялась думать о нем и только о нем. Начала с медленной, размеренной оценки его как мужчины.

Сочла, что лет ему под сорок, хотя из-за небритости и неухоженности он и выглядит старше. Потом решила, что он холост. Брюки не просто измялись, они и не гладились никогда. Как следует не гладились. Ботинки стоптанные, напрашивались на явную замену. Обратить внимание Володина именно на это было тоже некому, решила она. Куртка кожаная, хоть и дорогущей была, валялась, кажется, где придется. И голоден, чудовишно голоден. Жена уж наверняка бутербродов каких-нибудь ему бы наделала и дала с собой, и термос с кофе в машине валялся бы. Как у ее Сашки, когда он распространителем работал и ел и спал на ходу. Аня всегда заботилась о нем, всегда утром у двери вручала ему пакет с бутербродами, пирожками, котлетами, термосом с чем-то горячим. Потом Сашка вырос из своей должности, из ее пирожков, стал сначала начальником отдела, потом замом директора где-то. И ушел! И теперь тоже один, как и Володин. Но он как-то не так один. Сашка чрезвычайно опрятен и наряден. И за Игорьком следит пристально в этом. Но он один. Точно один! И Игорек неоднократно повторялся, что у папы до сих пор никого нет. И разведка в лице главного агента Ирки доносила – у Сашки ничего серьезного ни с кем. А поди же ты, какая разница между этими двумя мужиками.

– Все люди разные, милочка, – сонно заявила где-то через пару часов ей Ирка в телефонную трубку. – Не может быть одинаково опрятных Сашек и одинаково безалаберных Володиных.

– Да он не то чтобы безалаберный! – вступилась с жаром за Володина Анна и тут же получила порцию подозрительного любопытства в ответ.

– Он что, тебе понравился?! – ахнула подруга, забыв зевнуть в сто двадцать четвертый раз за последние десять минут. – Этот небритый, неумытый мент в грязных стоптанных башмаках тебе понравился???

– Ир, он не мог мне понравиться, во-первых. – Аня раздраженно поморщилась, уже пожалев, что рассказала Ирке все. – Во-вторых, почему это он неумытый?

– Если бы морду умывал, то и побриться бы не забыл. Он в зеркало-то, наверное, смотрится раз в месяц. – Подруга судорожно вздохнула и вдруг всхлипнула. – Надо же так пасть русскому дворянству, а! Стоило пижону за дверью раствориться, так ты всякую нечисть уже в дом тащишь.

– Ты не мели чепухи. – Аня вдруг как-то сразу успокоилась, расслышав в голосе подруги неподдельную плаксивую тревогу. – Я его не тащила никуда. Он просто говорил со мной о соседях...

– Кстати, о соседях! – подхватила тут же Ирка со зловещим клекотом. – Ты ведь живешь, как на острове, Нюрочка!!! Ты же никого в упор не видишь за извергами своими, за тетрадками, за заботой об Игорьке! Не видишь, не знаешь, не замечаешь!

– А оно мне надо? – И Аня нарочито громко зевнула, следуя примеру подруги. – Зачем, Ир?! Лишняя словесная обуза. Иду я себе и иду с работы, проскочила в квартиру – и замечательно. А это надо о чем-то говорить, раскланиваться, придумывать что-то. Не могу! Сил нет и желания!

– Ага... – Подруга вдруг надулась, когда она дулась, то сопела часто-часто и еще время от времени фыркала, как ежик. – По этой самой причине ты и меня избегать начала.

Не спросила, констатировала.

– Нет, Ир, с тобой сложнее. С тобой я бы просто расквасилась.

– А без меня?

– А без тебя заморозилась, – нехотя призналась Аня. – Как треска какая-то! Знаешь, что сегодня мне родной сын выдал?

заползли из шумного школьного коридора в классную комнату и были взяты извергами на вооружение.

Аня не рассердилась, нет. Она расстроилась. Софья-математичка оказалась права – Петровскому веры нет. Почему права оказалась Софья, а не она? Почему Петровский солгал? Почему использовал ее? Такой гнусный по природе своей или учится приспособливаться?

– Ох, дети, дети, – шепнула с горечью Анна, швырнула три последние тетрадки в общую стопку и пошла с ними в прихожую, чтобы убрать в сумку.

Почти тут же зазвонил домашний телефон.

– Алло? – сняла она трубку и почему-то, наивная, тут же подумала про Володина.

Это мог быть и Игорек, вдруг заскучавший по маме и измучившийся чувством вины, что обидел ее утром. Это мог быть Сашка с очередными отвратительными требованиями быть благоразумной. Она, по его мнению, не должна была драматизировать нелепейшую, на его взгляд, ситуацию. Какая разница, на чьей территории живет мальчик? Он же с родителем. А то, что Аня задыхается без сына в пустом доме, так это блажь. И то, что ей непременно нужно целовать сына в макушку перед сном, вообще ни в какие ворота не лезет. Он должен расти мужиком, сильным, непреклонным. И да, бессердечным, если того требуют обстоятельства. И весь ее лепет о том, что ей не нравится жестокость, зародившаяся не так давно во взгляде ее сына, пускай она перенесет на своих учеников. Им пригодится. Его сыну – нет!

– Алло? – повысила голос Анна, не услышав ответа. – Кто это?!

Это не был Володин, не был Игорек, и Сашка тем более. Это был кто-то бестелесный, кто-то ужасный и злой. И он едва слышно, голосом, схожим с шелестом осенних листьев под ногами, прошептал ей на ухо:

– Ссу-у-ука-а-а, издохни-и-и...

Трубку бросили. А она стояла со своей телефонной трубкой еще какое-то время, не в силах сдвинуться с места.

Господи!!! Что это было только что?! Кто посмел?!

Память тут же послушно начала выдергивать эпизоды неприятных стычек с учениками. Все пролистав, Аня недоуменно подергала плечами. Не было ничего такого, хоть убей, не было. Она себя контролирует из последних сил, чтобы не поддаться провокации, чтобы не наорать, не ударить, без нужды не выгнать из класса или вызвать родителей. Она себя держит в руках! И даже эта противная Кольская ее несколько раз на педсоветах в пример ставила.

Было что-то такое неприятное, со слезами группы девочек, с ором их родителей в учительской, но уже давно. Еще в самом начале учебного года, когда девчонки удумали в школьном туалете курить и малышкой гонять. А теперь весна! Уже май скоро! Не могли же они так долго вынашивать свой гнев. Не могли. Дети в их возрасте сколь эмоциональны, столь и забывчивы.

Кто тогда вдруг возжелал ее смерти?!

И вдруг накатило! Глаза сами собой поднялись к потолку, и он словно сделался стеклянным, воссоздав всю картину сегодняшней кровавой бойни. Вспомнилось все до мельчайшей детали. Окровавленный ковер, брызги крови на стенах, на мебели, остекленевшие мутные глаза девушки, спутавшиеся, взмокшие от крови темные волосы парня.

Вдруг... Вдруг это какой-то серийный убийца, надумавший уничтожить жителей их подьезда?! Вдруг он начал с них, а теперь доберется и до нее?!

Она летала по квартире как сумасшедшая. Проверила все замки на двери. Задвинула тяжелую щеколду, хоть за одно это спасибо бывшему – сделал, когда жил. Закрыла окно в кухне, остальные и не открывала. И плотно задвинула шторы, хотя на улице было еще светло. Пустила в ванну такую горячую воду, что рука еле терпела. Хотелось согреться, зажариться, ее трясло как в лихорадке. Насыпала горсти три морской соли, влезла в воду по самые уши и замерла.

Это шутка? Злой розыгрыш? Кому-то надо ее напугать? Или все же, все же отголоски дневного преступления?! Кто ответит, черт побери?!

Сколько ни крутилась в ванной, сколько ни намыливала себя, никого, кроме Володина, ни надумала. Ему надо звонить. Он что-то придумает, как-то да ответит.

Ответил! Да как!!!

Глава 3

В квартире было тихо и душно. Нина толкнула ногой дверь сразу, как вошла. Подождала, пока та щелкнет замком, запираясь, и громко позвала:

– Па! Па, ты дома?!

Отца дома не было, хотя его рабочий день должен был уже закончиться. Нина вздохнула. Что-то с предком в последние дни такое творилось, чему она вообще не могла дать объяснения. Он подолгу запирался у себя в комнате, почти не выходил на кухню, откуда раньше она его веником гнала, чтобы не мешал ей готовить своей болтовней про невероятные открытия и их с Нинусиком светлое будущее.

– Вот, дочуня, смогу защитить свой проект, тогда мы с тобой... – Отец мечтательно жмурился. – Куда хочешь слетаем!

– Куда, па? В Африку, что ли? – фыркала Нина в сторону отца недоверчиво.

– Может, и туда, – загадочно ворочал он бровями. – А что!

– Сиди уж, африканец! – смеялась она беззвучно.

Отца она считала большим талантливым ученым и вместе с тем рассеянным и не приспособленным к нынешней жизни дитятей. Там, где отец трудился, к нему было несколько иное отношение. Там его считали неудачником. Но наряду с этим пользовались его мозгами, как и кому хотелось. Нина злилась, пыталась учить его жизненной хитрости. Получалось плохо. Отец переучиваться не хотел. И все время мечтал. Мечтал сделаться богатым, осчастливить дочь, показать ей мир мечтал. Но при этом почти ничего для этого не делал, по-прежнему просиживая старые штаны в своей старой конторе, зачатой еще в социалистическом, удобном для многих мирке.

Где-то полгода назад он вдруг посерьезнел, начал приносить работу на дом. Подолгу просиживал у себя в комнате. Потом был период ликования, следом на отца накатила озабоченность, а совсем недавно ей почудился в его глазах страх. И как-то пару раз он вдруг приходил к школе ее встречать вечером после секции. Свою странность в поведении объяснить отказался. На неделю воцарился мир и понимание. Отец шутил, был в приподнятом настроении, но с телефоном по-прежнему запирался в своей комнате почти каждый вечер. И еще начал уходить куда-то. Без объяснений уходил, без объяснений возвращался. Каких-то незнакомых людей стал в дом приводить.

Вот и сейчас его нет. Нина это поняла по тапкам отца, сиротливо жавшимся к стенке прихожей. И даже в комнату не пошла. Зачем? Она переделалась, разложила учебники на столе, показав им длинный язык – учить страшно не хотелось, но надо было. Подружке обещала. Ее подвести она не могла. Подруга – это святое.

Потом приготовила поест, села к столу, пододвинула к себе тетрадку и учебники и... тут же минуты через две начала болтать по телефону.

Ну не училось, ну! И неохота, и новостей и планов куча, которые надо обсудить, обтрепаться с подругой. И душно ужас-то как! Окно, что ли, открыть? Так высоты она боится. Нина покосилась в сторону окна. А что, если открыть, и отойти от окна подальше, и учить уроки не за столом, что рядом с окошком, а на диване? Идет! Подумано – сделано. Она открыла окно, занавесила голый проем, плюхнулась с разбегу на диван и...

И тут же услышала нечто, заставившее ее швырнуть учебник в сторону. Какое-то странное осторожное шарканье. Что за фигня?! Отец дома? А тапки?

– Па? – снова позвала она, и он снова не отозвался.

Нина встала, рванула на себя дверь комнаты и опешила.

Вдоль стены крался мужик! Он и шаркал, понятное дело! С чего отцу-то ее так ходить – вдоль стены бочком, на цыпочках.

Высокий симпатичный и будто даже знакомый какой-то. Она его точно видела, только где?! На артиста какого-то будто бы похож. Причесан хорошо, одет прилично.

Обо всем этом она успела подумать в первые три секунды, пока не накрыл тихий, свистящий холодом ужас.

– Только тихо, – шепнул мужик ей, глядя прямо в глаза и начав медленно идти прямо на нее. – Только не вздумай кричать, если не хочешь, чтобы твоему папе сделали больно. Не хочешь ведь, нет?

– Папа... – всхлипнула Нина, на мгновение зажмурилась. И тут же замотала отчаянно головой. – Нет, не хочу! Не надо!

– Кричать не станешь? Вот и умница, – с ласковой убежденностью проговорил мужчина, продолжая идти на пятившуюся Нину и при этом потирая руки в кожаных черных перчатках. – Зачем кричать? Разве криком можно что-то решить? Нет, милая... Сейчас мы с тобой...

Перед тем как он выбросил ее в окно, она еще успела подумать, что он решил взять ее. Прямо в ее комнате, прямо не снимая перчаток, прямо на диване, на котором ее еще мама пеленала в младенчестве. А как было не подумать, если он судорожно глотал все время, жадно осматривал ее всю, от растрепанных волос до голых ног, едва прикрытых шортами? А потом потянул к ней руки. Хищно, алчно, жадно. Схватил за талию, потом прижал к себе, ощутив разом спину, зад, бедра. Потом чуть оттолкнул, подхватил, поднимая вверх, и швырнул. Но не на диван, о господи! Он бросил ее в окно!..

Глава 4

Кольская Анастасия Станиславовна влетела в школу на своих тоненьких шпильках привычно легко и стремительно. Старательно поджимая живот, она распахнула легкий бежевый плащик. Быстро осмотрела себя в зеркале, висевшем сразу за дверями. Вздохнула про себя: опять набрала килограмм. Диета не помогала, тренажеры, установленные дома в цокольном этаже, тоже не помогали. Сколько себя ни истязала, не похудела ни на грамм.

– Это, мать, у тебя от сытой, спокойной жизни, – похохатывал муж, нежно шлепая ее по бокам. И тут же шурился хитро и подмигивал. – Может, мне загулять, а, мать? Может, тогда нервничать начнешь и сбросишь килограмма три?

Настя нервно хихикала в ответ, грозила ему кулаком, но всерьез его угрозы не воспринимала. С мужем прожили сто лет, кажется. Любили друг друга искренне и преданно. Растили детей. Долго растили, трудно. Сын часто болел, приходилось ездить с ним за границу на лечение. Дочка оставалась с мужем. И душа у нее разрывалась за них обоих. Потом все пошло как по маслу – цитата ее педагогического состава. Жизнь стала спокойной, размеренной, дети выросли, определились. Муж все чаще время стал проводить дома, назначив генерального – приличного парня из дальней родни. А она вдруг засобиралась на работу, устав скитаться по большому дому.

– Ну вот! – ворчал супруг, встречая ее, уставшую, на пороге дома. – Я в дом, жена из дома. На кой тебе это надо, Настена?

– Похудеть хочу, – шутила она, шурясь от усталости, и с благодарностью влезала в домашние тапки, брошенные мужем к ее ногам. – А то вообще колобком стану скоро...

Честно? Работа ей нравилась. Нравилась дети, причем всякие нравились: спокойные и озорные, хулиганистые и воспитанные. Нравился педагогический состав, за исключением одного-двух человек. Она очень мечтала с ними расстаться, очень. Повода все не было к ним придраться. Нравился шум школьной перемены и тишина в коридорах, когда шли уроки. Нравилось, когда каждый, кто встречался с ней, уважительно кивал и быстро проговаривал:

– Здравствуйте, Анастасия Станиславна.

– Надоест когда-нибудь, Настена. Когда-нибудь тебе это надоест, – обещал муж, наслаждающийся тишиной и покоем их большого уютного дома. – И захочется ко мне под крылышко.

Под его крылышком ей было очень хорошо, очень, но иногда немного душно. И еще был у нее крохотный бабий секретик. Настя Кольская считала, что если постоянно будет мелькать у мужа перед глазами, то очень быстро надоест ему. Она ведь уже не молода, морщинки режутся, как зубки у младенцев, что ни месяц, новые. Раз посмотрит – не заметит. Второй присмотрится, а на третий и пальцем ткнет. А так...

А так он по ней даже скучает. Звонит часто, дома ждет. Хорошо!

– Здравствуйте, Анастасия Станиславовна.

Охранник у входа непривычно резво вскочил с места и вытянулся по струнке.

– Здравствуй, Михалыч, – удивленно заморгала Кольская. – Чего это ты как на плацу? Случилось чего?

Антон Михайлович – бывший военный, исполнительный, внимательный, трудолюбивый и просто хороший мужик – вдруг побледнел.

– А вы разве ничего не знаете? – удивился он.

– А что я должна знать?

– У нас такое ЧП, Анастасия Станиславовна! – Михалыч округлил глаза. – Ужас просто!!!

Кольская насторожилась и быстро осмотрела фойе. Только теперь заметила, что не все так привычно. Дети возле раздевалки шумят, как обычно, но как-то не так. Разбились на

группы, шеи вытянуты, глаза страшные. Слухи, стало быть, уже всюду гуляют по школе. Судя по обстановке, страшные слухи.

– Что, Михалыч, не томи?!

Кольская свела полы плаща, устав держать пресс под напряжением. Даже спина заныла. Худеть надо, ох, надо худеть!

– ЧП у нас! – снова повторил охранник. – Девочка одна из одиннадцатого класса из окна выбросилась.

– Где??? – ахнула Кольская и почувствовала, как белеет ее лицо, даже больно сделалось у висков.

Вот вам и стресс, худей теперь на здоровье, Настасья Станиславовна. Что теперь начнется, представить тошно.

– Что где?!

Из угла, где висел динамик, брызнула трель звонка, дети заспешили, забегали, и через минуту в фойе никого не осталось. Спина у охранника вдруг прогнулась, и он обессиленно опустился на свой стул. Глаз с директрисы он не спускал. Больных и почему-то виноватых глаз. Будто он не уберег бедную девочку.

– Из какого окна выбросилась?! Жива???

– Нет, что вы! Какой жива! Этаж-то восьмой!

– Господи, да погоди ты, не путай меня! – прикрикнула она на него,

Вздохнула, выдохнула. Сделалось душно, и она снова распахнула плащ. Михалычу не до ее фигуры. Плевать он хотел на окружность ее талии. Он в шоке теперь пребывает от ужаса содеянного глупышкой одиннадцатиклассницей.

– Какой восьмой? В школе шесть этажей!!!

– Так она дома выбросилась! Из окна собственной квартиры.

– Ух ты, господи! – выдохнула Кольская.

Дышать стало немного проще. Будут, конечно, будут проверки. Долгие беседы с классным руководителем. Школьным психологом. С ней лично и в ее кабинете, и в кабинете наверху. Потом их соберут всех вместе и снова станут беседовать. Но, думается, обойдется без последствий. Девочка покончила жизнь самоубийством – это жутко, страшно, непоправимо, но... вины их и конкретно ее – здесь нет.

– Из полиции никого пока не было? – уточнила Кольская, немного порозовев, это она тоже ошутимо почувствовала по легкому покалыванию на скулах.

– Нет, пока нет.

– Ты-то, Михалыч, откуда узнал?

– Из прокуратуры звонили прямо на мой телефон, вас спрашивали. И еще из областного отдела образования звонили тоже на мой телефон и тоже вас спрашивали.

Начинается!

– Ладно, разберемся, – кивнула она и шагнула от его стола по блестящему полу, выложенному плиткой затейливым узором.

– Настасья Станиславовна. – окликнул ее охранник. – Тут вот какое дело-то...

– Что еще?

Она обернулась, нетерпеливо ерзая в сумке рукой, пытаясь нащупать ключи от своего кабинета.

– Девочка та – Галкина Нина.

Она замерла, как стояла – чуть согнувшись, с растопыренной пятерней в распахнутой сумке.

Галкина! Как же, как же! Очень проблемная девочка восемнадцати лет. Считающая, что с наступлением совершеннолетия устав школы и прочая дребедень типа уроков ее не должны больше волновать. Воспитывалась отцом и бабушкой до недавнего времени. Бабушка пару лет

назад умерла от старости и болезней. Отец и дочь остались одни. Но будто ладили даже. Он ее хвалил как хозяйку, как дочь, когда его вызывали. Только вот они ее как школьницу похвалить не могли.

– Помню Галкину, и что? – Ключи нашлись, она вытащила руку из сумки, выпрямилась. – Она же не обвинила в своей смерти весь педагогический состав, нет? И слава богу!

Михалыч снова встал, вытянулся, рот открыл и тут же захлопнул, а глаза его сделались еще ужаснее.

– Михалыч, ты чего тарачишься, как окунь? Дело говорить можешь?

– Могу, – покивал он.

– Так говори! – прикрикнула Кольская, нетерпеливо гарцуя на месте, там теперь в кабинете наверняка телефоны разрываются.

– Не весь, – бухнул охранник и снова примолк.

– Что не весь?! – Она начала закипать.

– Вы спросили, что не обвинила ли Нина весь педагогический состав в своей смерти?

– Ну!

– А я говорю, что обвинила, но не весь.

– Та-а-ак... – снова заныло внутри и побелело снаружи. – Она что, записку оставила посмертную?

– Болтают, что да.

– И? Содержание той записки тоже выболтали?

– Ну да.

– И?!

– Классную обвиняет будто.

– А классная у нее... – Кольская постучала себя ногтем указательного пальца по зубам. –

Корнеева, если не ошибаюсь?

– Да, Корнеева.

– Ух ты!!!

Вот вам и повод!

Корнеева была одним из тех самых педагогов, от которых Кольской до зуда хотелось избавиться. Нет, педагогом та была от бога. Все показательные уроки проходили на ура. По пятибалльной шкале все проверяющие ее оценивали на семь! И дети ее будто уважали и побаивались. Не любили, нет. Уважали и именно побаивались. И с родителями та была всегда сдержанна и мила. Но...

Но Кольская ее терпеть не могла. У нее просто скулы сводило, когда Корнеева обреталась поблизости. И что самое страшное, объяснить причину своей нездоровой – как она полагала – неприязни она не могла, как ни старалась.

– Лапа, может, ты ей завидуешь? – предположил как-то муж, пристроив голову на пухленьком животике Кольской.

– Я??? Завидую??? С чего бы! – Она гневно стряхнула голову мужа на кровать. – От нее муж ушел, сын сбежал к отцу следом. У нее ни друзей, ни врагов! Она... Она скучная, серая, заурядная! К ней и дети-то относятся не так, как надо. Они вообще-то либо любят, либо нет. А к Корнеевой у них особое отношение – дистанционная боязнь, вот!

– А она красивая? – вдруг спросил ее тогда муж, со скучной миной выслушав все ее доводы.

– Кто? Корнеева?

– Да.

– Красивая? Молодая?

И она, к стыду своему, скомкала тогда свой ответ. Скомкала и перевела разговор на другую тему. Муж сделал вид, что не заметил ее уловки. Но он, конечно же, заметил и все понял.

А она насупилась, затаилась и больше никогда о ней с ним не разговаривала. Он не должен был знать о ее тайных демонах. И даже догадываться не должен был.

Ну не поворачивался у нее язык назвать Корнееву молодой, красивой и стройной! Не поворачивался! И признать ее таковой ей было сложно. А та ведь такой и была: молодой, утонченно красивой и шикарно сложенной.

И проработала она столько лет в ее школе лишь потому, что весьма удачно камуфлировала все свои достоинства. Одевалась не пойми во что. Под ее одеждой тело не угадывалось вовсе. Не красилась совершенно. И волосы, господи! Свои красивые густые волосы Корнеева скручивала тугим отвратительным узлом на затылке, обнажая до неприличия высокий лоб и тонкие от природы брови. Пройдись по ней рука художника, заблестала бы. Но тогда...

Тогда Кольская ее просто выдавила бы, и все! Она не позволила бы ей существовать рядом с собой, такой необычайно привлекательной. И даже не в этом дело было. А в чем-то еще неуловимом и корбящем ее постоянно. Что это было, она не понимала и объяснить не могла.

– Сама Корнеева здесь? – спросила она у охранника.

– Нет пока. В учительскую звонили, там сказали, что ей ко второму уроку.

– Какой теперь второй урок, господи? – проворчала Кольская, а в груди вдруг разлилось непозволительное тепло.

Все, все, это конец. Она теперь выставит ее вон из школы – и все! Никаких уроков. Никакого присутствия в их школе этой милой гордой красавицы. И тут на этих мыслях Кольскую будто кто в грудь ударил мягкой лапой.

Вот же оно! Вот прозрение!!!

Она не терпела Корнееву за ее независимый гордый вид. Ухитрилась каким-то неведомым образом эта невыразительная на первый взгляд женщина казаться неприступной, гордой и в то же время человечной. Никто из учителей их школы не мог похвастаться тем, что при виде их школьники начинают выпрямлять спины, отряхиваться, прятать сигареты за спину и сдержанно и почтительно здороваться.

А Корнеева похвастать этим могла, а не хвасталась.

Пусть теперь катится ко всем чертям! Кольская мстительно улыбнулась, подходя к дверям своего кабинета. Вставила ключ в замок и тут же вздрогнула, услышав за спиной вежливое «здрассте».

– День добрый, – ответила она, поворачиваясь.

За спиной стоял незнакомый мужик в грубой кожаной куртке, с очень короткой стрижкой, лицом, выбритым до синевы, и тремя порезами на подбородке, с очень тяжелым хмурым взглядом темных глаз и удостоверением полицейского в руках.

– Володин, – кивнул он и тут же убрал удостоверение, хотя она прочесть его не успела. – Володин Илья Иванович.

– Кольская Анастасия Станиславовна, – игриво шевельнула она бровями и улыбнулась. – Вы ко мне?

Мужик ей, невзирая на суровость внешнего вида, понравился. Правильный, обстоятельный и надежный, как скала, сделала она вывод, пропуская его вперед себя в кабинет.

– К вам для начала, – пробубнил он, неуверенно входя в ее шикарно обставленный кабинет с круглым панорамным окном почти во всю стену. – О происшествии с вашей ученицей уже слышали?

– Д-да, – неуверенно произнесла Кольская и, повернувшись к нему спиной, закусил губу.

Может, не стоило называться осведомленной, а? Может, нужно было разыграть изумление, испуг? А то разулыбалась при встрече, как дура. Совсем не соразмерно случаю.

С другой стороны, директор должен знать все. И если она к девяти утра еще не знает о том, что случилось с ее школьницей вчера, грош цена ей как директору.

– Охранник только что сказал мне. – Кольская уселась в свое кожаное кресло с высокой спинкой, закинула нога на ногу. Глянула на него с тревогой и печалью, как полагалось. – Ужасно!!!

– Да, – коротко кивнул Володин.

Тоже сел на стул у стены, хотя она и не приглашала. Наверное, привыкла к ученикам, стоящим перед ней навтыжку.

– Что можете сказать по существу вопроса? – спросил он, рассмотрев за лощеной привлекательной внешностью директрисы и ее дежурной скорбью настороженный интерес.

– Я??? – изумленно воскликнула она и заморгала часто-часто. – Я ждала подробностей от вас, как от представителя...

– Понял, – перебил он и тут же поймал себя на мысли, что эта нарядная привлекательная женщина ему очень неприятна. – Ваша ученица, ученица одиннадцатого класса Галкина Нина вчера поздно вечером выбросилась из окна своей комнаты. Следов насилия на теле обнаружено не было. Из чего следствие сделало предварительный вывод, что это самоубийство.

– Она оставила записку?

Вопрос Кольская задала неправильно. Не справилась с домашним заданием, как сказала бы она сама. Это прозвучало не как вопрос, если точнее, то как утверждение. И в утверждении том сквозило нечто, напоминающее торжество. Тайное мстительное торжество.

Неприятная женщина, снова подумал Володин, поняв, что про записку директор школы уже знает.

– Да, записка есть, – кивнул он. – Вам что-то об этом известно?

– Охранник говорил...

– У вас не охранник, а просто кладезь полезной информации! – зло фыркнул Володин, перебивая ее. – Просто тайный агент какой-то!

– Да, Михалыч у нас такой. – Она кротко улыбнулась, пытаясь растопить лед, которым сковало самого Володина и все пространство вокруг него. – В курсе всего и всегда. Сведения получены будто бы от отца Нины.

– Нина... – задумчиво обронил Володин и глянул на окно, похожее на гигантский иллюминатор. – Галкина Нина... Какой она была?

– В смысле успеваемости? – уточнила Кольская.

– Во всех смыслах. Успеваемость нас интересует тоже.

– А еще?

– Друзья, недруги, контакты. Все, понимаете?

– Д-да, но... – Она погладила себя по коленке, опустила глаза, боясь выдать недоуменное раздражение. – Я вряд ли могу вам ответить на этот вопрос. Уместнее поговорить с классным руководителем, учащимися.

– Поговорим, поговорим, – пообещал Володин с понимающей ухмылкой.

Не любила Анну директриса, сильно не любила, понял он тут же

Почему?

– Разве не было у вас с ней проблем?

– С кем? – осторожно поинтересовалась Кольская.

И тут же про себя подумала, что да, да, были проблемы, и еще какие! Только не с погибшей девушкой, а с ее классной руководительницей. Она – эта надменная малоприметная красотка – просто сводила с ума директрису своим одним лишь присутствием. И еще... Еще...

Господи, суть проблемы не просматривалась, поэтому и говорить с этим Володиным было не о чем. Он тоже заподозрит ее в предвзятости, как и ее муж. И понять, что она не хочет видеть эту Корнееву просто так, безо всяких «потому что», им было трудно.

– С Галкиной, – продолжал хмылиться Володин, внимательно рассматривая ее богатый кабинет. – Были проблемы?

– Я не могу сказать точно, – все осторожничала Кольская, начав покусывать губу – верный признак раздраженной неуверенности. – Что-то было, кажется. Пропуски, возможно. Господи, Илья Иванович, у меня их знаете сколько?!

– Догадываюсь, – безучастно посмотрел он ей в глаза. – И тем не менее директор должен быть в курсе, вам не кажется?

– Директор в таких случаях вызывает к себе классного руководителя, и тот вводит меня в курс. Давайте ее уже позовем?

Кольская, приторно улыбнувшись гостю, как можно грациознее вытянулась над столом, добралась до телефонной трубки и быстро набрала номер учительской. Там не ответили. Набрала охранника:

– Михалыч, Корнеева пришла?

– Только что, – шепнул он ей. – У раздевалки застряла со своими ребятами.

– Они что, не на уроке?!

– Ее все ждали. Плачут тут все. И Корнеева тоже, – надрывался в шепоте охранник.

Кольская закатила глаза, покачала головой, изображая негодование. Сама-то, честно, ликовала. Еще один повод для взысканий. Нет, до конца года милая Анна не доработает точно.

– Бардак какой-то!!! Она что себе позволяет?! – пробормотала она скороговоркой, отбила беззвучный марш коготком по своей коленке и приказала: – Давай ее сюда, живо!!!

Они молча ждали прихода Анны Ивановны Корнеевой.

Великих сил ей стоило сохранять приличествующее случаю печальное выражение на лице. Великих сил стоило оставаться на месте и с печалью смотреть за окно. Хотелось носиться по кабинету и зычно хакать «ха», потом шлепнуть в ладоши и еще раз «ха». Потом она бы встала у окна, осмотрела школьный двор и подумала, что больше никогда не увидит, как пробирается загаженным пустырем на уроки эта чудачка.

Не место ей в ее школе! Не место!!!

Володин не знал, куда себя деть.

Почему он не позвонил ей утром? Боялся, что начальство не одобрит? Узнало бы оно? Идиот! Надо было еще ночью позвонить и предупредить, предостеречь, пожалеть. Ночью замotalся, вымотался, обессилел от вида бесформенного тела, от страшных мужских слез отца погибшей, от опросов. Потом еще эта посмертная записка, как гром среди ясного неба.

Угроздило же ему вчера выбрать в понятия именно ее! Угроздило же потом разделить с ней ее скудный ужин. И думать зачем было о ней весь вечер?! Думать, мечтать. Мечтать скупно, неуклюже, о забытых чувствах типа нежности, о раннем утре в обнимку с ней.

Идиот!

Сейчас она войдет в кабинет к этой стерве, которая за что-то ее ненавидит – вон как обрадовалась, даже скрыть не удастся, – увидит его, Володина. И потом не то что разговаривать с ним, смотреть в его сторону не захочет. Он мог ее предупредить, мог. Мог помочь подготовиться. Мог помочь немного справиться с собой. А так...

А так она вошла в кабинет к Кольской совершенно раздавленной, с перепачканным от поплывшей туши лицом, покрасневшим носом и расплюснутыми какими-то губами. Потом он понял, что размазалась бледно-розовая помада. А с первого взгляда даже перепугался.

– Здравствуйте.

Анна вошла в кабинет, застыла у дверей. Почтительно склонила голову в сторону директора, коротко кивнула полицейскому. Кивок совершенно обычный, как понял Володин. Может, пронесет и ему не придется перед ней оправдываться? Может, она поймет его щекотливое положение в данной ситуации. Ну что он не мог, не имел права нарушать инструкции и все такое? Это он ненавидел больше всего. Оправдываться и угождать. Ненавидел! И никогда не оправдывался и не угождал. За что и любим не был многими.

– Здравствуйте, Анна Ивановна. – Кольская строго дернула подбородком и свела в тонкую линию губы. – Могу я у вас узнать, что, черт возьми, происходит?!

– Что? – вяло отреагировала Корнеева и посмотрела почему-то на Володина. – Что происходит?

– У вас! В вашем классе, черт побери!!! – начала набирать обороты Кольская, строго следуя установке: разнести в пух и прах подчиненную за происшествие. – Вы чем там вообще занимаетесь?! Самоубийц выращиваете???

Анна опустила глаза в пол. Тут же заметила, что носы ее туфель начали облезать и на дорогом полу кабинета Кольской смотрятся инородно и отвратительно. Пора выбрасывать рабочие лапти, как всегда называл их Сашка. Пора покупать что-то на замену. Туфли на тонкой шпильке, которая теперь подрагивает от негодования на ноге Кольской, не по ней. Ей перед детьми надо стоять навытяжку. Ей перед ними ответ держать. Перед ними и за них.

Нина, Нина...

Что такого могло случиться в твоей семье?! Зачем же так-то?! И почему обвинила ее?! Господи! Как чудовищно нелепо, страшно, неповторимо страшно, необратимо. Нины больше нет. А они все остались. Ее отец, орущий от горя так, что одноклассники Нины не смогли там быть, сбежали. Она сама, еще вчера ставившая злополучную двойку и не думающая ни о чем, кроме своего чертова педагогического долга. Кольская, надуваясь от возможности хлестнуть ее побольнее. Как ее распирает! Пучит просто! Еще и зритель в лице Володина имеется, как не войти в раж.

Володин...

Сидит, смотрит мимо нее. Холодно смотрит, казенно. Ждет оправданий? А их нет. Что она могла сказать? Что она знала?

– Почему молчите, Анна Ивановна?!

Кольская приподнялась, подавшись вперед, но тут же поймала взгляд Володина на выпятившемся неудачно животике и быстро юркнула на место. Кажется, она заигралась. Надо сбавить обороты, он-то просто молчит. Пусть вступает.

– Мне нечего сказать вам, Анастасия Станиславовна, – развела руками Анна и зачем-то одернула юбку, хотя та совершенно пристойно прикрывала ее колени. – Нина была девочкой проблемной, это ни для кого не было секретом. После того как ей исполнилось восемнадцать, она возомнила себя абсолютно свободной.

– Свободной от чего? – вставил Володин, делая пометки в блокноте.

– От обязательств, от обязанностей. Могла не приходиться на уроки, могла приходиться, но не учить. Вчера вот вместо контрольной оставила в своей тетради записку для меня. Достаточно циничную, достаточно дерзкую.

– Покажите! – повелела Кольская, шевельнув в сторону Корнеевой пальцами.

– Я так понимаю, что вчера она в школе была? – уточнил Володин.

– Да, вчера была.

– Как выглядела?

– В смысле? – не поняла Аня, копаясь в сумке, пытаясь найти тетрадь погибшей девушки. – Одетая? Одетая как всегда – джинсы, короткая футболка, едва пупок прикрывающая, она смело одевалась. Макияж больше на боевую раскраску похож. Я, разумеется, ей сделала замечание.

– А что она? – Володин строчил по клеткам как под диктовку.

– Она? Да ничего. Улыбнулась, как обычно, дерзко. Цинично добавила, что скоро мы все от нее избавимся...

– Вот!!! – завопила вдруг Кольская и вскочила все же с места, метнулась к Анне, выхватила у той из рук тетрадь Галкиной, начала листать, продолжая надрываться: – Вот!!! Это был сигнал, Анна Ивановна! А вы не прореагировали! Не забили тревогу!!!

– Не думаю. – Аня осторожно отступила в сторону от пышущей жаром и негодованием директрисы, дабы не быть задетой ее растопыренными локтями.

– А все же, Анна Ивановна, – позвал ее Володин. – Могли означать ее слова, что...

– Ай, да бросьте! – возмутилась она, сердито покосилась в его сторону. – Она заканчивала школу и через день повторяла, что скоро она ото всех избавится, что скоро от нее мы избавимся. От проблем с ней... Вариантов было много.

– И тем не менее. – Кольская нахмурилась в сердцевину тетрадки, где успела зачитать шкодливую запись школьницы. – Вы не должны были пропускать мимо ушей так часто повторяющиеся угрозы. Это ведь угрозы! Не что-нибудь!

– Возможно, – вдруг согласно кивнул Володин и потянул руку к тетради. – Позвольте взглянуть?

Кольская нехотя ему протянула тетрадку. Аня догадливо улыбнулась.

Петровский! В записке Галкиной, которую та написала вместо контрольной, упоминался Петровский – любимчик Кольской. Она не просто млела от него, она с ним иногда и заигрывала. Честно, честно! Аня сама не раз видела, как неприлично выгибает стан перед выпускником директриса, поймав того на перемене в коридоре или возле столовой. Мальчик был поразительно хорош собой. А еще был хорош собой его папа. И еще папа часто перечислял на расчетный счет школы спонсорскую помощь. Как не любить такое дитя?! И тут вдруг его имя вскользь упомянуто в такой нехорошей истории. Как тут не занервничать!

Володин внимательно прочел записку погибшей. Полистал ее тетрадку, покачал головой, снова протянул ее Кольской:

– А говорите, ребенок без проблем. Двойка на двойке.

– Ну... Так было не всегда. Так ведь, Анна Ивановна? – Анна Ивановна ее не поддержала, промолчал. Кольская решила ее уколоть, добавила со значением: – И не у всех педагогов.

– Проверим, – пообещал Володин.

– Проверьте! – фыркнула директриса, но, вспомнив об осанке, тут же выпрямила спину, поджала живот и юркнула в свое уютное кресло с высокой спинкой. – У Анны Ивановны вообще, кажется, все дети проблемные.

– Зачем вы так? – ахнула Аня и чуть не заплакала от обиды.

Да, дети не носили ей ни сумок, ни цветов, ни тем более домой подарков. И извергами она их порой про себя называла. Но это же ничего не значило! Ничего!!! Она была всегда с ними ровной, справедливой и честной. И подарков бы никогда не приняла. Сочла бы это подкупом, подхалимством. Что касается успеваемости, то тут у ее детей все в полном порядке. А проблемные – вроде Галкиной – существуют всегда и везде.

– Мы проверим, Анна Ивановна, вы не расстраивайтесь, – рассыпал Володин обещания направо и налево.

Хотя внутри его все ныло препротивно.

Когда проверять школьные журналы этой малолетней самоубийцы?! Кому этим заниматься?! Вчерашнее убийство на контроле у руководства, по нему еще никаких наработок, а тут это еще. Странно, что сегодня побриться успел и брюки почистить с ботинками. Скоро спать будет стоя, как конь!

И Анну было жалко, очень жалко. Хорошая женщина, милая, правильная. За что и не любит ее, видимо, директриса. Ведь сможет, стерва, создать ей проблемы, еще как сможет. А вкупе с посмертной запиской девушки, да еще и записью этой в тетрадке...

Вот бесхитростная душа. Другая бы уничтожила, выдернула лист, и все. Нет листа – нет лишних вопросов. А она с этой тетрадью в школу притащилась. И даже когда узнала про самоубийство девушки и ее посмертную месть, предъявила улику следствию.

– Анна Ивановна, вам вчера поздно вечером никто не звонил? – вдруг вспомнил Володин про номер на определителе Галкиных.

Номер был ее.

– Звонок был, – поежилась она, будто озябла и обхватила себя руками. – Очень странный звонок.

– И в чем заключалась странность?

Володин смотрел на нее с сочувствием. Хотя мог поклясться, значение его взгляда она не понимает. Его никто не понимал, даже покойная мать.

«Зверенышем вечно смотришь! – лупила она его по башке по делу и без дела. – Не глаза, а угли. Так и жгут, так и жгут».

На работе тоже вечно жаловались:

«Ты, Иваныч, рентген-то свой убери. Заикаться станем от того, как ты зыришь...»

Аня не понимала, насколько ему жаль ее. Она усердно отводила взгляд от него и без конца поправляла юбку и одергивала рукава на бледно-розовой кофточке. Неуютно ей было в его присутствии. Он понимал. И все равно он жалел ее. И дело было даже не в том, что проблем у нее с выбросившейся из окна девицей может быть воз и маленькая тележка. А в том, что слишком уж много навалилось на нее за последние сутки. Сначала кровавая бойня у соседней свеху. Потом ученица. Что дальше? Ее бы оградить, защитить, а кому?! Ему сто процентов некогда. Гулять под луной некогда. В кино ходить, в кафе просиживать и разговоры милые говорить тоже некогда.

Так он не человек, а зверь, выросший из звереныша, которого в нем мать узрела еще при рождении.

Володин вздохнул.

– Так в чем странность вечернего звонка, Анна Ивановна?

– Позвонили, – произнесла она, низко опустив голову. – Я спросила, кто? А мне в ответ... «Издыхни, сука». Или что-то в этом роде.

– Ничего себе! – присвистнул Володин.

Встал с места и беспокойно заметался по просторному кабинету с дорогой офисной мебелью, кожаным креслом и стульями, огромным круглым окном, напоминающим гигантский иллюминатор в гигантской подводной лодке. И как-то так незаметно подобрался к Анне и встал прямо перед ней.

– Кто звонил? – спросил он тихо.

Недостаточно тихо, чтобы его можно было не понять. Но достаточно для того, чтобы его не услышала Кольская.

– Я не знаю! – пожала она плечами и жалко улыбнулась, посмотрев на него все же. – Шепотом говорили. Таким громким, зловещим.

– И все? Просто сказали: издыхни, сука, и все?

– Да, все.

– А вы? – Он быстро обернулся на директрису, которая усиленно делала вид, что перебирает на столе какие-то бумаги, на самом-то деле подслушивала. – Вы испугались?

– Конечно! – широко распахнула она глаза, оказавшиеся удивительного небесного цвета.

Вчера он не рассмотрел. Вчера больше на ноги смотрел, на рот – такой влекущий, яркий. Грудь опять же в вечернем платье великолепно просматривалась, когда она ему на самый первый звонок открыла. Плечи, спина. Все было великолепно в ней.

– И что сделали? – засмутился Володин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.